

Независимая
газета. - 1998
- 14 февр. - с. 10

В ситуации служения

Станислав Говорухин между желаемым и действительным

Станислав Говорухин.
Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

Олег Мраморнов

СИТУАЦИЯ Говорухина — не красовская: гражданские обязанности — служение «униженным и обиженным», народу и родине — в конце концов побеждают (отодвигают на второй план) художественное призвание. «Поэтом можешь ты не быть...»

В 1995 г. мне довелось работать над систематизацией и изданием материалов парламентской комиссии по чеченским делам (см. «Комиссия Говорухина», М., «Лавента», 1995 г.). Станислав Сергеевич тогда пребывал в разгаре осознанно принятого на себя служения: пытался помочь всеми брошенному русскоязычному населению мятежной республики и реабилитировать офицерский и рядовой состав российской армии — снять с выполнявших приказ людей густой налет незаслуженных обвинений, проклятий, наветов, клеветы. Этим детей простого народа, рабочих и крестьян (как он их называл — ну не новых же русских, которые своих отпрысков на бойню не посылают!), Говорухин в своем порыве видел (и желал показать миру) не головорезами, а обычными солдатами, не совсем лишенными и исконных черт русского воинства. Аргументировал документами и свидетельствами, летал в чеченское село Са-

машки, чтобы на месте разобратся в случившемся там страшном кровопролитии...

Нелепая война в очередной раз заставляла на очередном президентском указе о прекращении боевых действий (это после того, как основные очаги горских повстанцев бывали подавлены!), чтобы вновь — поверх непрекращающихся мелких стычек и перестрелок — вспыхнуть крупномасштабными операциями, кончающимися полнейшим абсурдом. Видно было, что и война, где был ранен сын, и комиссия по чеченским делам, четверо членов которой так и не подписали ее итоговое заключение, изрядно измотали Говорухина. Хотя держался упорствующий заступник народа уравновешенно: маловозмутимым, слегка надменным джентльменом, тем самым парламентским денди в хорошо подогнанных по фигуре костюмах, попыхвающим боцманской трубкой, каким и привыкли видеть его в Думе. Эмоциональные перепады случались в дискуссиях и перебранках с думскими правозащитниками во главе

с Сергеем Адамовичем Ковалевым, оценивавшими состояние с правами гибнущего русского населения в Чечне теплохладно. (Елена Боннэр — идеолог нашей правозащиты — тогда заявляла, что «Россия должна Чечне послевоенные репарации за беспримерные разрушения».) Приходилось аргументировать и от семейно-личного.

— Скажите, Сергей Адамович, а ваш сын теперь чем занимается? — спрашивал кинорежиссер-депутат у депутата же Ковалева.

— Проходит курс обучения в Америке...

Учитывая положение с сыном Говорухина, незадолго до этого обстрелянным чеченскими боевиками при съемках документального фильма и получившим серьезное ранение в ногу с последующей ампутацией, дальше можно по этому пункту не продолжать.

*Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатления крови и убийства,
Вы в конце измучили меня!*

Строки из народолобивого Некрасова, который умел быть экспрессивным, по-моему, удачно корреспондируют с Говорухиным той поры.

Рана октября 93-го года еще кровоточила, противники наклеивали друг на друга ярлыки, но ничего красно-коричневого я в Говорухине не замечал. Это был народник, я бы сказал, народный социалист, не стеснявшийся называть себя советским человеком.

Ностальгирующий не по имперскому и не по коммунистическому, а по чему-то человеческому из ушедшей эпохи. Депутат от Демократической партии России, он и походил на стихийного демократа из травкинского или какого там еще призыва.

Ситуацию 93-го года он ведь отыграл демократически: подлинная демократия, как бы вы там ни бисновались, концентрировалась в Белом доме, в головах народных депутатов, являвших на ту пору слепок русского народа, и была в те дни в России раздавлена. Раздавлена стрелявшими из-за Москвы-реки танками. Танки стреляли по приказу тех, кто криминализировал Россию. Стреляли не в коммунистов («далеко не все защитники Белого дома симпатизировали коммунистическим идеям — были там и такие, кто просто ненавидел коммунистов»), не в фашистов («баркашовцев было сколько? Два, три десятка?»), не в красно-коричневых — стреляли в народ. У него был в запасе один сильный аргумент. Когда его спрашивали, где бы был его друг Высоцкий в 93-м году, Говорухин отвечал: с народом.

Внутри Демократической партии (бывшей — Травкина) происходил раскол, понять что-либо в котором было невозможно. В приближении очередных парламентских выборов Говорухин сколачивал предвыборный блок. Во главе стоял сам, следующими номерами — Олег Румянцев и Виктор Аксютин. Социалисту Румянцеву откровенно симпатизировал. Аксютин, возглавлявший Российское христианское демократическое движение и не поладивший с Рутким, был рядом по общим оппозиционно-патриотическим настроениям и как бывший народный депутат, защищавший Белый дом, Верховный Совет и старую Конституцию.

Вокруг Говорухина была ощутима глухая стена. СМИ практически не озвучивали позицию председателя комиссии по расследованию конфликта в Чечне, вели свою линию. Да и не больно-то нужен был им сердито-мрачноватый оппозиционный парламентарий, твердящий о всеобщей коррумпированности, продажности и преступности, не резко высказывавшийся об одностороннем характере информационного обеспечения российского общества.

Необходимый процент блок на выборах не набрал, и нынешнее депутатство Говорухину обеспечили избиратели приграничного Ставрополя, которым, как и их депутату, была небезразлична судьба русских в Чечне. Кстати говоря, Станислав Говорухин тогда, как и теперь, четко высказывался за предоставление горской республике независимости, за вычетом прежде принадлежавших Ставрополю Шелковского и Наурского районов.

Народный социалист (я твердо остановился для себя на таком определении линии Го-

ворухина) со всеми вытекающими отсюда последствиями: размытость идейно-политической программы, апелляция к основаниям исконного народного бытия, пафос справедливости, совестливости, вообще моралистический акцент. Не державный, не националистический, не реставрационно-монархический, а именно моралистический и народнический, что и выделяло Говорухина из хора патриотических заединщиков. Примерно то же самое было у поздних народников из возглавляемого Короленко журнала «Русское богатство». Те образовали в думский период Российской империи небольшую партию народных социалистов, всеми теснимо, никакого политического успеха не имевшую, зато не растерявшую репутации порядочности. Соображения поддержания репутации и у Говорухина выходили на первый план.

***

Когда и как случилось у Станислава Говорухина острое осознание личной причастности к судьбе корневой России, возник нравственный пафос, желание послужить родине и народу? Об этом можно прочитать в «Великой криминальной революции». Да это и так легко вычисляется: в 90-м году выходит документальный фильм «Так жить нельзя», в 92-м — «Россия, которую мы потеряли». В 91-м Говорухин на стороне Ельцина и против гэкачепистов, в 93-м — держит сторону Руткого и Хасбулатова.

Скрытые от постороннего взгляда этапы внутренней эволюции и ее более-менее наблюдаемые результаты, очевидно, связаны с актуализацией чего-то корневого, родового, сугубо личного, о чем могу сказать немного: отец Говорухина — донской казак, пропавший без вести в год его рождения, в 36-м, мать — простая работница, родилась в глубинке — в Пермской области, потом учился также в провинции — в Казанском университете, на геолога. Когда у человека из столичной киношной элиты начинает преобладать патриотическое и народническое, то это не что иное, как глобальный внутренний переворот, сопровождаемый переоценкой всех основных ценностей. «Для того ли различницы рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал» — Мандельштам фиксировал нечто схожее.

Все знают, что Говорухин непоправимо поссорил себя со значительной и влиятельной частью творческой интеллигенции. Той, что истошно голосила в сентябре-октябре 93-го года, падая в ноги Борису Николаевичу: защити, мол, батюшка-барин, от этой чумы, ату их! ату! стреляй, стреляй в них!

Его почему-то особенно передергивало от взвизга перепуганной Лии Ахеджаковой, требовавшей у президентской власти решительных мер в отношении красно-коричневых. Да и вправду: ей-то, политически-невинной

и всенародно-обаятельной, какие такие разноречивые «друзья народа» в виде тогдашних народных депутатов могли принести вред...

«Жил, как жили люди моего круга, шлялся по тусовкам, рассказывал анекдоты про чукчей, снимал, что приятно, что не требует большой траты душевных сил, но пробил час, настал день, когда вырвали мой празднословный и лукавый язык и вложили вместо него змеиное жало. И сердце вырвали. Это уже не сердце, а пылающий огнем уголь». Пушкинским «Пророком» дальше комментирует автор процесс своего внутреннего перерождения, переход в ситуацию служения, для рискующих пророчествовать чреватую остракизмом и побиванием камнями.

(Здесь, выше и далее цитирую третье издание (1995 г.), дополненное и расширенное издание одной из самых многотиражных и широко известных среди читательских масс книг последних лет — «Великую криминальную революцию».)

После Беловежских соглашений и развала союзного государства Говорухин появляется на конгрессах и фронтах патриотических сил. Следуют неприятие, замалчивание в печати. Вслед за выходом первого издания «Криминальной революции» тусовка попытается «утопить» Говорухина на пресс-клубе. Потом будет долгая история с невыходом на экран передачи Киры Прошутинской «Мужчина и женщина» с его участием. С телевидением отношения постепенно портились (недавняя относительно миролюбивая беседа в «Герое дня» со Светланой Сорокиной еще не факт, что они надежно стабилизировались).

Поссорившись со столичной интеллигенцией, Говорухин предпочел ей народную и низовую. К ней и обращается. «Не к творческой интеллигенции, — упаси, Господь! — не к избалованной столичной, я обращаюсь к истинной российской интеллигенции, к той, что живет по всей России. Это десятки миллионов людей. Учителя, врачи, инженеры, ученые, высококвалифицированные рабочие, технари, библиотекари, российское офицерство». Та ли она только теперь интеллигенция, чеховская ли? Есть сомнение и насчет десятков миллионов. Но уж это не вина Говорухина, что народ и интеллигенция размылись «рыночными отношениями». С чем же обращается в данном случае к другой интеллигенции Говорухин? С тревожным предупреждением о том, что она зомбирована телевидением. Удар на удар.

Имеются предупреждения и посерьезнее. «Интеллигенция — не проституированная, а та, которая действительно совесть нации, — должна готовиться к репрессиям». Здесь не берусь комментировать, но, кажется, возмущен измором, а не ГУЛАГом.

В том, что пишет и произносит Говорухин

в последние годы, много мрачной апокалиптики. Явившееся через пушкинского шестикрылого серафима — «жечь глаголом» — подбавляет исполнять, ибо служение обязывает. Тем более что изначально желаемое не только не сбывается, оборачивается насилием, грабежом народа и полнейшим властным произволом. Вот почему «оптимистом в наши дни может быть либо дурак, либо подлец». Да уж. А с Россией покончено.

Всяк волен не соглашаться, однако есть в этом экзистенциальная подлинность — от избытка сердца глаголят уста. И фактическая правда есть — особенно в том, что касается криминальных дел.

«Вот и я — целил в коммунизм, даже не в коммунизм, а в казарменный коммунизм ленинско-сталинского типа, а попал — в Россию», — говорит автор вслед за Александром Зиновьевым и имеет в виду свой фильм «Так жить нельзя». А как можно? Пессимизм затягивает. Желаемое и действительное разделяет все более непроходимая пропасть, и мир окончательно превращается в госпиталь неизлечимых, как говорил философ. Но что делать, если даже высшая Справедливость была распята в мире на позорном кресте.

Для политика пафос обостренного морализма обычно кончается одиночеством в коридорах власти, разочарованием и мизантропией. Но ведь и «свои», и «патриоты» отворачиваются. Скандальная история вокруг подготовленного под руководством Говорухина закона «О государственном регулировании и контроле оборота продукции сексуального характера» обернулась обвинениями в предательстве народа и в лоббировании интересов порнодельцов. Это серьезно, «патриоты» могут не простить.

Вороят, что на заседаниях думского комитета по культуре, председателем которого он теперь является, Говорухин сосредоточенно мрачен: народу лучше жить не становится, с культурой, сами знаете, как дела обстоят.

Время от времени бросает очередному выступающему:

— Пустое! Пустая бессмысленная болтовня!

Глубоко затянутый политической воронкой, Говорухин не достигает желаемого результата. Да и бывает ли в политике безукоризненно чистый результат?

Вот в искусстве — бывает. Редко, но бывает — чистый результат, четкий рисунок: Глеб Жеглов и Володя Шарапов.

Служение, конечно, обязывает. «Поэтом можешь ты не быть...», «иди к униженным, иди к обиженным». А мне кажется, Говорухин тоскует по творчеству (летом собираются снимать художественную ленту). Но для творчества нужна творческая энергия. Вернется ли она, нам неизвестно.